

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

В начале 1990-х годов правительством России была продекларирована приверженность рыночной экономике, и с той поры до наших дней предпринимаются не вполне удачные попытки создать рыночные отношения, декларативно ориентированные на западные образцы. Причины неудач кроются и в том, что в нашей стране построению новой экономической модели не сопутствует создание новой социально-психологической, социокультурной модели. Весь период реформирования новые хозяйственные отношения "приживлялись", не имея ни духовного источника, ни приемлемых для массового сознания аргументов в свою пользу.

М.Вебер в работе 1904 года "Протестантская этика и дух капитализма" показал, что европейский капитализм обязан своим происхождением трудовой этике протестантизма, высоко ценившей труд, понимавшей его как делание человека на земле, завещанное ему Богом, причем труд должен был быть честным, упорным, успешным, приносящим прибыль, которая, в свою очередь, должна была направляться не на получение удовольствия или наслаждения, а на развитие своего дела [1]. Если придерживаться точки зрения Вебера, то закономерно возникает вопрос: "Имеет ли Россия сегодня, имела ли ранее такую трудовую этику, опираясь на которую можно идти к рынку западного образца?" (под "трудовой этикой" подразумевается отношение людей к труду, запечатленное в комплексе моральных ценностей и норм, воплощенное в категориях и образцах культуры и выраженное в человеческом поведении, прежде всего в сфере трудовой деятельности).

Трудовая этика формируется под воздействием многочисленных факторов, среди которых важное место занимают религиозные воззрения, идеология, культура. Начнем с российских религиозных представлений о трудовой этике.

Труд на протяжении тысячелетий заполнял собой практически все существование простого человека и поэтому нуждался в осмыслении и сакральном обосновании религией. Если сопоставить три основные христианские религиозно-философские традиции, отражающие историческое движение представлений о месте труда в жизнедеятельности человека (православную, католическую и протестантскую концепции трудовой этики), то с точки зрения истории развития христианских представлений о ценности труда, православие – наиболее архаично.

Восточно-православная Церковь рассматривает себя как Церковь, созданную Иисусом Христом и направляемую Святым Духом. Считается, что Церковь первоапостолов I века сохраняется в своем органическом единстве и непрерывности – в историческом, теологическом и литургическом планах. Из всех христианских конфессий оно наименее других отошло от первоначальных трактовок библейских текстов. В западной научной традиции термин "православие" практически не известен, широко используется понятие "ортодоксальная церковь". Ортодоксия (греч. – правильное мнение) – твердая последовательность, приверженность к традициям, основам учения, полностью исключая даже незначительные отклонения [2]. Большое влияние на формирование этики православия оказал византийский богослов XIV века Григорий Палама. Согласно его учению, спасение души достигается созерцанием, умерщвлением плоти и молитвенным экстазом. До настоящего времени это учение считается официальной истинно православной доктриной [3]. Основываясь на доктрине Григория Паламы, православие представляет труд как наказание, расплату, следствие греха; гипертрофированный аскетизм и культ святых, стремление сделать монашеские нормы общецерковными; богатство трактуется скорее как грех, а бедность – добродетель. Помогать бедным и убогим, подавать милостыню нищим считается одним из самых богоугодных дел.

Православие и протестантизм имеют разные подходы к определению богоизбранности человека. Протестантизм полагает, если человек много работает и есть результат, значит, с ним Бог. Православие утверждает, если человек усердно молится и вдруг – результат, это означает, что он божий избранник. Трудовых моделей в житиях святых русской православной церкви практически нет. Несмотря на то, что в реальной (в том

* © Е.В. Жижко, Красноярский государственный университет, 2006.

числе и монашеской) жизни они безусловно должны были присутствовать, в фольклорном религиозном сознании трудовые модели почти не закрепились, так как не были ни “престижны”, ни “перспективны” с точки зрения православной концепции спасения души: монах, ищущий духовного совершенства, на начальном этапе своего пути превращает труд в средство духовного воспитания и укрощения плоти, но затем оставляет трудовую деятельность как таковую и целиком предается созерцанию. При отсутствии идеи труда в образах святых они тем не менее характеризуются идеей результата. Точнее – идеей одномоментного достижения результата посредством чуда. Такая модель существует в житиях в двух вариантах. Вариант 1: живет человек, возможно, даже очень грешный, внезапно оказывается избранным Богом, становится праведником и начинает чудодействовать. Вариант 2: мирянин (или монах) ведет аскетический (отшельнический) образ жизни, в награду наделяется свыше некой магической силой. Самый же распространенный в житиях святых жизненный и духовный итог – мученическая насильственная смерть во имя высших интересов, которая осмысливается как акт героический, имеющий некий положительный смысл. Таким образом, специфической особенностью православной трудовой этики является констатация созерцательной доминанты над деятельностью, духовной над телесной, труд воспринимается прежде всего как орудие спасения души и тела от греховных искушений.

За десятилетия советской власти православие было вытеснено на периферию общественной российской жизни, не имело возможности оказывать прямого влияния. На становление личности в это время огромное воздействие оказывали такие социальные институты как идеология и школа. Поэтому для выяснения специфики трудовой этики советского периода мной были проанализированы модели официальных персонифицированных идеалов российского общества 1980-х годов. Под персонифицированным идеалом понимался результат привнесения в образ конкретного человека признаков, свойств, мотиваций, а в конечном итоге – интересов, потребностей, ценностных ориентаций, характерных для определенного типа идеала. С помощью методики контент-анализа в модификации Б. Берельсона [4] и Р. Тернера [5] были рассмотрены:

- имена, которые носили дружины пионерских организаций школ г. Красноярск;
- названия улиц г. Красноярск (до 1987 г.);
- положительные герои произведений русской советской литературы 1930-1980 гг.

Проведенный анализ показал, что в идеологической пропаганде в 1980-е годы активно выдвигалась идея жертвенного героизма, особенно в начальной и средней школе (45 % пионерских дружин носили имена героев, прославившихся мученической смертью, еще 20 % – имена героев, для которых такая смерть стала одним из неотъемлемых компонентов их образа). Кроме того, распространялась ориентация молодых людей на достижение сверхвысоких результатов в престижных областях деятельности, давалась модель-эталон конечного высокого результата деятельности, а не процесса его достижения. На уровне идеологической пропаганды молодежь готовили к рекордно высоким достижениям (в большинстве своем одноразовым), а не к обычному каждодневному, долговременному (преимущественно непрестижному) труду. Трудовая модель “среднего” человека, живущего нормальной жизнью, выполняющего обычную, неэкстремальную работу, практически отсутствовала (имела место только в 8 % названий улиц).

Контент-анализ помог выделить три основных модели:

- герой физический (сила, выносливость, воля, целеустремленность, высокий социальный статус: космонавты);
- герой интеллектуальный (высокорезультативная интеллектуальность, целеустремленность, воля, высокий социальный статус: писатель, академик);
- герой, в экстремальной ситуации жертвующий жизнью (мужество, решительность, смелость, посмертная слава: Александр Матросов).

Эмпирический анализ официальных моделей персонифицированных идеалов российского общества середины 1980-х годов выявил достаточно низкую ценность труда как процесса, как средства достижения результата.

Для того чтобы выяснить результаты усвоения молодежью типов трудовых идеалов советской идеологии в 1988 г. методом формализованного интервью был проведен социологический опрос учащейся молодежи г. Красноярск (900 человек 16-22 лет: учащиеся школ и ПТУ, студенты техникумов и вузов), опрос проводился по гнездовой выборке (опрашивались полностью класс или группа) при этом выборочная совокупность репрезентировала генеральную по всем половозрастным и профориентационным признакам. Результаты данного исследования дают информацию о том, с какими социальными представлениями о труде вступило в реализацию рыночных реформ молодое поколение. Большинство персонифицированных идеалов, названных молодыми респондентами, оказалось тождественными тем, которые в советское время предлагались обществом в качестве образцов. Ориентация на обычную жизнь среднего человека в идеальных представлениях о своей взрослой жизни была зафиксирована только у 8 %. Большая часть молодых людей была ориентирована на высокие жизненные достижения. Кроме того, около 70 % респондентов заявили о своем намерении быть “руководителями”, а не “подчиненными”.

Действие каждой конкретной трудовой модели имело и продолжает иметь определенные нежелательные последствия:

1. Социальная дезадаптация (как результат длительной ориентации на сверхрезультат при невозможности реализовать модель-эталон супергероя).
2. Антисоциальное (преступное) поведение для удовлетворения потребности в достижении "идеала" (как следствие разрыва между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения).
3. Демографическая проблема (снижение рождаемости). Молодежь уже в конце 1980-х семья родителей воспринималась, прежде всего, как союз работников. В 1990-е, создавая собственную семью, молодые люди наделяли ее тем же статусом, что и родительскую.
4. Спад производства 1990-х годов, вызванный отчасти и тем, что большинство новоявленных бизнесменов занималось не производством чего-либо, а перепродажей, поскольку перепродажа – это быстрый результат.
5. "Неразумное" поведение определенной части россиян на рынке ценных бумаг, спровоцированное тем, что примерно 30 % рекламных роликов финансовых фирм успешно "паразитировали" на идее достижения высокого результата без видимых затрат: "...мы сидим, а денежки идут".
6. Готовность к "автоматическому" самопожертвованию. Тип героя, в экстремальной ситуации жертвующего жизнью, учит, не рассуждая, не переосмысливая критически ситуацию, реализовывать заданную модель.

Система ценностей – наиболее консервативная и устойчивая часть общественной системы, ее основа, и потому изменить ее за несколько лет невозможно. В ходе повторного социологического опроса (1995 год, методика 1988 года) было установлено следующее: несмотря на то, что Россия уже несколько лет живет в условиях "строительства рыночных отношений" и идеологической демонополизации, идеалы и ценностные ориентации рыночного характера не становятся характерными для молодежного сознания. Социальный процесс демонополизации идеологического влияния в конце 1980-х-1990-х годах не смог существенно трансформировать систему ценностей в постсоветской России: основы идеалов и ценностных ориентаций остались прежними. Кроме того, рыночно-ориентированные качества, набравшие в базовом опросе в 1988 г. лишь десятые доли процента ("активность", "умение преодолевать сложности", "честолюбие", "самоотдача в работе") в повторном опросе вообще не были выявленные. Анкетный опрос "новой" молодежи показал, что в массовом сознании по-прежнему продолжают активно функционировать типы трудовых идеалов советского периода. Некоторое замещение происходит лишь в конкретной персонификации, в основе которой остается модель сильной личности, супергероя, требующая проявления особых способностей (например, Терминатор вместо Глеба Жиглова).

Освободившееся от влияния идеологической пропаганды культурное пространство не спешит перенимать традиционные ценности западных обществ, а заполняется некими суррогатами культуры (например, негативным отношением к производительному труду), не имеющими ничего общего ни с западными, ни с советскими традиционными ценностями. Для наших опрошенных в 1988 году труд являлся незначительной жизненной ценностью, в 1995 он оказался практически вынесенным из сферы жизненных интересов. Труд не ощущается молодыми россиянами как ценность и как основной источник благополучия – выявляется феномен "отчуждения" от труда. За время перехода к новым экономическим отношениям трудовая мотивация, связанная с непосредственным трудовым вкладом для молодежи не только не увеличивается, но и снижается. Среди главных в жизни ценностных ориентаций молодежи выступают любовь, друзья, здоровье, материальная обеспеченность (не подкрепленная желанием трудиться, получать материальные блага в результате трудового процесса).

В этом плане сравнение восприятия американскими и российскими студентами такого понятия как "успех" дает показательные результаты. Студентам предложили написать рядом с каждым понятием те слова, которые с ним ассоциируются. Оказалось, что у американцев со словом "успех" чаще всего ассоциируются деньги, материальное благополучие, власть, персональные достижения. У русских – счастье, любовь, радость, удовлетворение жизнью, благополучие в жизни [6].

Все последствия функционирования в массовом сознании жизненных трудовых моделей советского периода продолжают иметь место в жизнедеятельности российского общества. Кроме этого, можно выделить еще несколько тенденций:

- снижение ценности труда;
- рост ориентации на «интимные» ценности, приводящий к слабой вовлеченности индивида в социальную, политическую и экономическую жизнь;
- неодобрительное отношение к предпринимательству и богатству со стороны необеспеченных слоев общества;
- гипертрофированное стремление к наживе;
- одобрение или индифферентное отношение к собственным нечестным способам достижения цели.

Следующим шагом в изучении современного российского социально-психологического контекста стало исследование текстов литературных произведений, изучаемых в 1990-х годах в средней школе. Для анализа были взяты учебники и хрестоматии по литературе с 1 по 11 класс (причем, отдельно для обычных и элит-

ных школ). Контент-анализ произведений художественной литературы, изучаемых в стандартных средних и элитных средних школах, позволил сделать вывод о том, что внушение моделей супергероев имеет "кастовую" природу и разные "степени воспитания".

1. Стандартная средняя школа: героическая смерть + серия подвигов (преимущественно военных, иногда творческих) + труд в экстремальных условиях.

2. Элитная средняя школа: героическая смерть (очень узко, специфично, например, Джордано Бруно) + серия подвигов (в большинстве своем невоенных, профессионально соотнесенных: для математиков – Софья Ковалевская, для физиков – Галилео Галилей) + жизнь-подвиг (посвящение себя высоко результативной научной деятельности).

Для выяснения степени однородности социально-психологического контекста современного экономического реформирования в плане трудовой этики методом контент-анализа были изучены образы труда, собственности, богатства, бедности в произведениях фольклора (преданиях, легендах, сказках, частушках и страшилках – наиболее "влиятельных" фольклорных жанрах). Для анализа были взяты фольклорные тексты, собранные на территории Красноярского региона фольклорными экспедициями филологического факультета Красноярского государственного университета за последние 15 лет от носителей фольклора в возрасте от 16 до 22 лет (использовалось то же возрастное ограничение, что и при социологических опросах).

В таких малых фольклорных жанрах, как частушки и песни исследуемые образы встречались крайне редко, большая часть текстов посвящена любовно-семейной проблематике. Собранные фольклорные ситуации можно разделить на следующие типы.

1. Повседневный труд – "разлучник", нечто, отвлекающее от приятного любовно-семейного времяпрепровождения. Например, "посылала меня мать яровое жито жать, а я жито не жала, всё Ванюшку ждала" или "не пряди ты, жена, не старайся, на печи ты со мной поваляйся".
2. Повседневный труд – "мука", где мучителем выступает, во-первых, некая абстрактная сила (в основном для юношей) – "распроклятый завод", "армия-злодейка", "тайга": например, "в казарме мы живем, хлеб с водой жуем, с работы убежит, под кустом лежим; во-вторых, конкретное лицо – для юношей – "хозяин", "командир", "председатель", отец, которые сами почти не работают, а только "водку пьянствуют"; для девушек – муж, мать или свекровь: например, "младая жена, впрягайся сама, да в лес по дрова".
3. Труд "на заработках" (исключительно мужской вариант): на "лесовале", в "городе", "Питере", "Москве" – можно "денежек скопить", но потратить специфически: или "накоплю я денег много, отнесу их в кабачок" или "накоплю я денег много, красным девушкам отдам".

В страшилках (женском виде малых фольклорных форм) "трудовые" ситуации в изученных материалах отсутствовали. Но следует отметить одну важную деталь: страшные вещи происходили с детьми (чаще девочками), как правило, после того, как их родители уходили на работу или уезжали по делу, а дети оставались в доме или лесу одни. По сюжету страшилок ситуация нормализуется только после того, как один из родителей перестает уходить из дома (то есть отказывается от работы). В страшилках проблема ставится достаточно категорично: или работа вне дома (особенно для матери) или благополучие семьи. Таким образом, семейное благополучие напрямую связывается с нахождением матери (реже обоих родителей) в семье.

В преданиях и легендах встречаются ситуации двух следующих типов:

1. "Народный заступник" (солдат, бедняк, казак) купца (барина, графа, коммерсанта) – "богача и кровопийцу", наживающегося на людском горе "честно ограбит", половину денег народу отдаст, половину пропьет, прогуляет (явное отсутствие денеги сберегающей идеи).
2. Природа наказывает людей (строителей, браконьеров), которые строят дом (ГЭС, завод) или рубят слишком много леса, разрушая ее (идеи языческого плана: природа – живое существо, она мстит человеку за его хозяйственную деятельность).

Сказки – медленно меняющийся элемент культуры, хранители и трансляторы прошедших длительную эволюцию и отбор различных запретов, разрешений, этических стандартов, "житейской философии". В их текстах образы "труда", "богатства" и т.д. присутствовали значительно чаще, чем в текстах других фольклорных жанров. Анализ показал:

- низкую ценность "труда" для молодых носителей фольклора;
- повышенный интерес к проблематике любовно-семейных отношений; ориентацию на позитивные изменения жизненной ситуации посредством чуда;
- негативную оценку "богатства" (в 50 % сказок "богатые" оцениваются отрицательно: они "злые", "жадные", "воры", "богатство" не следует жалеть (например, сжечь свой дом, для того, чтобы пеплом посыпать рану нищего).

По результатам всех проведенных многоплановых исследований можно констатировать следующее:

1. Существующая в современной России этика труда стимулирует слабую деятельностную мотивацию, не создает этической основы для развития рыночных отношений западного типа.
2. Трудовые ориентации молодежи, ее профессиональные предпочтения и планы в настоящий момент серьезно противоречат действительным потребностям реформируемого общества.

3. Православная трудовая этическая концепция и деятельность русской православной церкви не создают достаточных предпосылок для интенсификации хозяйственной деятельности и развития отношений капиталистического типа.
4. В русском фольклоре сохраняется в основном негативное отношение к таким понятиям, как "труд", "дело", "собственность", "богатство", позитивное отношение к понятиям "чудо", "бедность".
5. Литературные произведения, изучаемые в средней школе, до сих пор во многом соответствуют учебным программам советского периода, а поведенческие модели их положительных героев советским типам моделей-идеалов.
6. Декларативно отбросив социалистическую трудовую мораль, государство продолжает ее частично использовать, фактически не предлагая новой действенной трудовой этики.

Преимущества трудовой пропаганды советского периода

При всей важности рыночных отношений в развитии российского общества в XXI нельзя недооценивать роль внеэкономических факторов, в первую очередь специфику социокультурной модели. Принятие её в расчет и своевременная коррекция смогут способствовать адаптации к изменяющейся социально-экономической ситуации и стимулированию социально одобряемой деловой активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. - М., 1990. - С. 32-54.
2. Христианство: Словарь. - М., 1994. - С. 329.
3. Там же, с.113.
4. Berelson B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson. N.Y.: Free Press, 1952. С.15-24.
5. Turner R.H. A Comparative Content Analysis of Biografie / R.H. Turner // Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research. London: SAGE, 1990. P. 134-150.
6. Russian-American communication and cultural guide for mutual understanding and cooperation. Report. The American council of Russian Teachers. Maryland, 1992. 30 P.